
ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Анатолий Аврутин
(г. Минск, Белоруссия)

НОВЫЕ СТИХИ

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

* * *

Эти мутные стены,
Эта прозелень вен...
Ты так любишь катрены —
Боль упрячу в катрен.

Это я своевольно
Надломил твою статью.
Как шагается больно,
Как же больно дышать!

Бьются звонкие блюда
Среди хмурого дня...
Но руки не коснуться —
Это выше меня.

Нет, родная... Не надо
Бесконечной тоски!
От напрасного взгляда
Цепенеют виски.

Пусть проносится лето,
Август — благословен.
Если спросят: «Что это?..»,
Ты ответишь: «Катрен...»

* * *

Холодает... Простуда... Нет на тропке следа...
Я пришел ниоткуда и уйду в никуда.

Эти черные клены... Эта ржавая рожь...
Голос, в мгле растворенный: «А когда ты уйдешь?..»

Будут сыпаться листья с обнищавших рябин,
Будет слышаться лисье: «Уходи не один...»

Все расписаны роли... Отражаясь от стен,
Будет музыкой боли задышаться Шопен.

Хватит горького взгляда... Пустота впереди.
Нет, родная, не надо — близко не подходи.

В честь Бориса и Глеба развернется Псалтирь,
Затуманит полнеба осиянная ширь.

Да юродивый некий разболтает вдали,
Что на мертвые веки пятаков не нашли.

* * *

Нет, не старейте, русские поэты,
Не оставляйте нас среди суеты.
Иначе как окажутся воспеты
Больной Отчизны смутные черты?

Иначе как несчастный человек
Без вас поймет — где истина, где ложь?
Сегодня столько стало Черных речек —
На каждую поэта не найдешь...

В больной стране больные интересы,
Прошел поэт — все целятся в него.
Доселе многим жадется в Дантесы,
Спасать же словом — нету никого.

Так не старейте... Мучайтесь... Живите,
Пока вам мудрость высшая видна.
Вы нас еще прозреньем удивите,
А следом — вдруг! — прозреет и страна.

Игорь Лукьянов
(г. Борисоглебск)

Русский поэт. Наш постоянный автор. Член Союза писателей России с 1994 года. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова

АПРЕЛЬ — 2019 г.

Порок возлюбя, позабыли
Господнее к нам: «Аз воздам».
Пылает церквушка в глубинке,
В Париже горит Нотр-Дам.
Библейским спасенные Ноем,
Грешно, как и прежде, живем.
Вчера затопило водою,
А завтра — накроет огнем...

МОСКВА — 2019 г.

Жаль, что не сестры,
Жаль, что не братья
В столице — со всех сторон.
Хорошую книгу
Куплю на Арбате.
Слегка потолкаюсь в метро.
Можно жить
и без высшей идеи.
Но чужая
нам эта стезя.
Ведь в Советском Союзе светлее
У Москвы
были наши глаза...

* * *

Раньше или позже
Волны Леты
Их уносят,
Словно лес сплавной.

К славе пробиваются поэты —
Кто поэмой,
Кто строкой одной.
Остается песней недопетой
Их судьба,
где времени в обрез,
Нет больших
и маленьких поэтов —
Есть поэты с небом
или без...

* * *

Россия — не бык, не Юпитер.
Святынь православных венец
Ей нужен не просто лидер,
Ей нужен лидер-отец.
На здешних врагов и внешних
Поднимет меч-кладенец
Не менеджер многоуспешный,
А верный стране отец.
И будет достоин присяги,
Если его потом
Министры и работяги
В душе назовут отцом.

Николай Еремин
(г. Красноярск)

ЦИКЛ СТИХОТВОРЕНИЙ

Николай Николаевич Еремин родился в городе Свободном Амурской области. Окончил медицинский институт в Красноярске и Литературный институт им. А. М. Горького. Член СП СССР с 1981 г., Союза российских писателей с 1991 г. и русского ПЕН-центра международного ПЕН-клуба. Кавалер Золотой медали «Василий Шукшин». Автор книг прозы «Мифы про Абаканск», «Компромат», «Харакири», «Наука выживания», «Комната счастья», «Волишебный котелок», «Чучело человека».

* * *

Читатель мой!
Ни пуле, ни игле
Не позволяй войти в тебя случайно...
Ни скальпелю...
Ни Ведьме на метле...
Ни Черту в камуфляже — специально...
Нет!
Только лишь — Божественному зову,
Душевному
Спасительному слову...

СОНЕТ

Младенец и старик,
Вникал я понемногу,
И понял в некий миг,
Что в прозе мало проку...
На Севере — хорей
Царит... На Юге — ямб...
То гений, то злодей,
То господин, то раб...
На Западе — верлибр...
А на Востоке — хокку...
Язык равновелик
И Дьяволу, и Богу...
Поэзия — повсюду,
С ней мир подобен чуду...

СОНЕТ-РЕМИНИСЦЕНЦИЯ

Помню, здесь весенним садом,
В сердце — счастье до краев —
Мы всю ночь под звездопадом
Шли на пенье соловьев...

Нынче — звездам господин —
Я, увы, иду один...
По желанию судьбы
Хоть одна упала бы!

И над морем, и в горах —
Соловьиный Лунный свет...
Но тебя со мною — ах —
Нет... Семь бед — один ответ...

Полнолуние — вот те на!
А на сердце — тишина...

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

«...не отдавай последнюю рубаху...»

Вера Чижевская

Я отдал ей последнюю рубаху —
И сочинил влюбленно-нежный стих...
И голову на грудь к ней,
Как на плаху,
Склонил — мечта плюс память,
Старый псих...

Настало утро вешнее,
Увы...
Она — в рубашке...
Я — без головы...

Олег Пантюхин
(г. Щекино)

Наш постоянный автор. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

ЭХО ВСЕЛЕННОЙ

Зажглись на небосводе звезды,
И спят уставшие планеты.
Как долгожданны стали весны,
Как стали трепетны рассветы.

И в тишине ночной звенящей
Так тонко, так неуловимо
Звучит мелодией манящей
Вселенной эхо, эхо мира...

* * *

Холодная весна,
Снега, дожди, ветра.
В зеркальных лужах лед,
Свинцовый небосвод.

Холодную весной
Согремся с тобой
Теплом сердец своих,
Любовью на двоих.

Надежда Лисогорская
(г.Москва)

ЗЕМНОЕ БОГАТСТВО

Родилась и живет в городе Москве. В 1972 году окончила Московский институт нефтехимической и газовой промышленности им. Губкина. Более двадцати лет проработала геофизиком в Экспедиции № 1 Центрального геофизического треста. После ее ликвидации перешла на преподавательскую работу в Современную гуманитарную академию. Стихи пишет с детства. Печаталась в «Коломенском альманахе», журналах «Молодая гвардия», «Арина», «Белая скала». В 2018 году выпустила первый сборник стихов «Переживай, волнуйся и твори...». Член Союза писателей России.

* * *

Земля распахнулась навстречу весне,
Сиреневый май на пороге.
Березовой нежностью танец в окне —
Посмотришь — и сложатся строки.

В ложбинках снежок затаился... Но вот
Туманные дали ожили.
Под снегом незримая сила живет —
Зеленые травы России...

Весенняя ясень, небесная синь,
Прозрачность апрельского света...
Наш край оберегов, наш край берегинь
Так ждет многоцветного лета!

* * *

Да ты, конечно, все поймешь:
И этот дол... И этот дождь...
И эта мокрая скамья
Тебе расскажут — за меня...

Тепло — туманом за лесок,
Веселый желтенький цветок,
Осенних паутинок сеть,
И в дождь — желание согреть...

Но мокнут травы и кусты,
Грустят старинные мосты,
И лишь мелькает белизна
Статуйно — гипсового сна...

А там, среди пустых аллей,
Как будто в радуге дождей
Все чудится твой силуэт...
Бегу, бегу, бегу на свет...

ЗЕМНОЕ БОГАТСТВО

Совсем недавно провожали лето,
Грустили, что прощаемся с теплом.
И отгорали листьев самоцветы
В осеннем дне за городским окном.

И падал снег, стеной росли сугробы,
Не виделось конца пунктиру зим,
Но вновь апрель прокладывает тропы,
И ветер мая следует за ним.

И вот уже деревья, как атлеты —
Зеленым флагом машут на ветрах.
А взгляд мой ловит чудо первоцветов
С теплом опушки в нежных лепестках.

И листья, и цветы — «лазастый» праздник —
Светло и чисто поглядеть на мир!
А свежий воздух и дорога дразнят,
Зовут на волю выйти из квартир.

А там поля, пролески, косогоры...
Вдохнуть всей грудью запахи земли!
И вдруг застыть, увидев, что на взгорье
Сады невестой белой расцвели...

Открылись вдруг такие горизонты!
Ну кто сказал, что наша жизнь бедна?
Когда на свете есть...портрет Джоконды...
И каждый год приходит к нам весна...

* * *

Тепло приносит бабье лето.
Прозрачна неба синева.
С прощальным ласковым приветом
Зеленая спешит трава.

Чирикнет птица, каркнет ворон —
Откликнется осенний день,

И свежестью, и грустью полон,
Встречая солнечную звень.

И обнимать пойдет березы —
Их белоствольную красу,
Златую нить вплетая в косы
И солнца блик лоя в лесу.

И встрепенется на опушке
Последней бабочки крыло...
А по земле листы — полушки
Рассыплет дерева чело...

* * *

В безветрии танцует легкий снег,
Деревья наряжая к зимней сказке.
И хочется в зиме услышать смех,
И улыбнуться снежной синеглазке.

Как быстро санки катятся с горы,
Лыжня зовет: «Вставай скорей на лыжи!»
И полон склон окрестной детворы,
И мчится вниз бесстрашный горнолыжник.

А вечером — мерцают фонари,
Преображая зимние чертоги,
И в синий снег закутались дворы,
И выросли сугробы у дороги...

Увидишь свечи в дивном хрустале,
Ветвей застывших кружевную песню,
Костер снегов в морозном феврале,
И голубые блески в поднебесье.

Теплеют окна, зажигая свет,
И сердце согревает чувство крова,
Где будет чай, и ужин, и обед,
И теплый взгляд, чтобы обнять родного...

Марина Ножнина

(г. Ангарск Иркутской области)

Родилась в Нижнеудинском районе в поселке Камышет Иркутской области. Окончила Иркутский педагогический государственный университет, Тулунский педагогический колледж. Сейчас работает в г. Ангарске в ДХШ 2 преподавателем живописи, рисунка, композиции.

* * *

Здравствуй, Апрель — конопатое счастье!
Солнечный день, озорная капель,
Полная чаша безудержной страсти,
Что ж ты так долго?
Здравствуй, Апрель!
Вечер напудрил румяные щеки,
Брови нахмурил ночной синевой,
Катится месяц желто — двурогий,
Шлейфом из звезд будоража покой.
Здравствуй, Апрель, я тебя не забыла —
Талый твой снег с ледяной бахромой,
Знаешь, Апрель, я тебя полюбила,
За долгожданную встречу с судьбой.
Тише, Апрель, и не молви ни слова,
Так и оставим с тобой все как есть,
Слышишь, Апрель, приходи ко мне снова,
Вспомним с тобою весеннюю лесь.
Только смотри, не заигрывай больше,
Я уж не та, что когда-то была,
Что же ты шуришься, губы наморщив,
Холод набросив на плечи тепла?
Здравствуй, Апрель — хулиган и задира,
Прячешь глаза за туманом небес,
Милый Апрель, я тебя не забыла,
Здравствуй, Апрель!
Я же знала — ты здесь!!

* * *

А в детстве потолок выше,
И стулья выше,
И окна больше,
И тянется кот на крыше,

Выгибая спину
И лапы делая тоньше.
Дорога дальше,
И хлеб вкуснее,
Когда на нем сахар посыпан,
И плакать еще умею,
И чаще болею гриппом
И мама старая —
Ей тридцать четыре,
А я ж такой никогда не буду,
Живу в своем придуманном мире,
В гномах и эльфах,
И верю в чудо.
И никогда замуж не выйду,
Певицей стану,
Или актрисой,
И долго держу обиду
На родителей, с мордой кислой.
А сейчас — работа,
Дом — работа,
Работа — дом,
Снова работа,
И день перегружен,
Дохну в кровати,
Как в шахте гном,
И обед готовлю,
И жду мужа.
Усталая...
И счастье переполняет,
Когда знаю, что нужна кому-то,
И сына во сне укрываю,
И снова, как в детстве,
Верю в чудо.

* * *

Рассыпал ветер запах полыни
По теплым лужам, словно зазря,
И снова разбухло небесное вымя,
И струями цедит дожди сентября.

Опять и опять, колею размывая,
Бросает в грязь листьев корявую медь,
Над долом холодным туман разметая,
Восходом зари просит землю согреть.

Струится река голубою дорожкой
В оранжево-желтых накрапах листвы,
И где-то на небе невидимой ложкой
Хлебают луна тишину синевы.

Бодрящего воздуха ветряный шепот
В лесу будоражит осиновый лист,

И снова по лужам разносится топот —
То дождь отбивает неистовый твист.

Опять и опять барабанит по крыше,
Смывая следы сентября на траву,
И запах полыни все глуше и тише
И день холоднее, и осень все ближе
Крадется так тихо, сродни колдовству.

«СНЕГ»

Плюет фонарь,
Зернистый снег в ночи,
По переулку бродит сумрак сонный,
И на ветру то воеет, то молчит
Тень проводов
В дрожании монотонном.

И я спешу на остановку дня,
Перебирают сапогами ноги,
Пушистый снег
Кружит вокруг меня,
И падает неслышно вдоль дороги.

Съедает ночь у горизонта даль,
И выпускает месяц
Из-под шапки,
Холодный и взъерошенный февраль
Бросает снег в фонарные охапки.

Ну, а фонарь плюет его, плюет,
И растворяет в желтом отражении,
А снег идет,
А снег себе идет
И на земле томится без движения.

* * *

Конструкции предметов, линий тон
От света к тени плавно переходит,
Ложатся мои сны за горизонт,
И снова в голову заходят.

Я тело брошу в мятую постель,
Карандаши оставив у мольберта,
Не спит мой сон,
И снега канитель
Ночь сыплет из воздушного конверта.

И только томно бдят мои глаза,
Я сон и явь, вновь, призрачно тасую,
И воскресает утра полоса,
А я — рисую.

Светлана Супрунова
(г. Калининград)

Родилась в городе Львове Украинской ССР. Окончила Ленинградское медицинское училище, Калининградский госуниверситет, Литературный институт им. А. М. Горького. Работала медсестрой в районной больнице, в медсанбате в Афганистане, проходила воинскую службу в Таджикистане. В настоящее время возглавляет редакцию научного журнала Калининградского государственного технического университета. Публиковалась во многих центральных, региональных и зарубежных изданиях. Автор пяти поэтических сборников. Член Союза писателей России. Живет в Калининграде.

ИСЧЕЗАЮЩИЕ ДЕРЕВНИ

Мы сегодня с тобой неуклюжи,
Под ногами сухая листва,
На пути то ухабы, то лужи,
До калитки по пояс трава.

И, пробравшись, калитку открою,
И поглажу сухие стволы...
Окна старые вровень с землею
И обшитые тесом углы.

С ощущением какой-то утраты
Я коснусь потемневшей резьбы,
Снеговик из бумаги и ваты
Встретит нас за порогом избы.

Над кроватью, такой старомодной,
В рамке простенькой чей-то портрет.
Три ступеньки к лежанке холодной
И пустой, нараспашку, буфет.

Люди добрые, дом умирает!
Мы, продрогшие, ищем ночлег.
...В тишине, где так рано светает,
Пять старух доживают свой век.

* * *

Справа речка, а слева опушка,
А грибов-то — под каждым кустом,
Деревянная мокнет церквушка
Под холодным осенним дождем.

Скрипнет дверь, запоют половицы,
И ни певчих, ни благостных лиц,
На стенах из журнала страницы,
И святые глядят со страниц.

Я таких не видала окраин,
Позолота нигде не блеснет,
И в поношенной рясе хозяин
В одиночестве службу ведет.

Спозаранку молебн читает
За страну и за завтрашний день,
Уж не крестит, а все отпевает
Поколенье глухих деревень.

Все едино — дожди, завируха
Эту древнюю дверь отопрет,
Приблудится, бывает, старуха,
И свечу, как на память, зажжет.

Столько света в приюте убогом,
Что, теряясь, почти не дыша,
Прослезится от близости с Богом
Непутевая чья-то душа.

ШЕСТЬ СОТОК

Как будто отпустили беды,
В полях и небе мирный гул.
Он рано встал и в День Победы
Друзей ушедших помянул.

Летели годы, шли парады,
Опять то ливни, то пурга.
В шкафу солдатские награды,
В чужой земле — его нога.

И в доме не было излишка,
Но радость все-таки была:
Шесть соток — грядки и домишко,
И все дела, дела, дела...

Хозяйка рядом, помогала,
Потом Господь ее прибрал.

Земля цвела, земля дышала,
А он мотыжил и копал.

В рубахе белой, без пилотки
Ходил к колодцу в суховой.
Оборонял он эти сотки —
Кусочек Родины своей.

* * *

Я как будто в глубоком тылу,
Где ни брани, ни горя, ни грусти,
Здесь кадушка в прохладном углу,
И в кадушке соленые грузди.

Тихо так от росы до росы.
Вишня тонкая смотрит в окошко.
А за дверью с кукушкой часы
И до них половик, как дорожка.

Лишь трава да какой-то сорняк,
Не растет в огороде капуста,
Поглядеть — ни людей, ни собак,
На единственной улице пусто.

Разрослись на погосте кусты,
Пожелтевшие холмики низки.
О разлуке напомнят кресты
И о правде земной —obeliski.

То ли я забрела не туда,
То ли родина где-то за краем.
Крест упал и ржавеет звезда.
Неужели себя забываем?

* * *

Все где-то там, в какой-то стороне
Картавый шум и Спасские ворота.
Живые звезды в маленьком окне
Хранят меня от злобного кого-то.

А мне бы этот час приколдовать,
Когда душа не просится на паперть,
И нет обид, и некого прощать,
И под тарелкой праздничная скатерть.

Цветы сегодня ярче за окном,
Мой тихий дом как будто ближе к бору,
И шлепаю, укутавшись платком,
По длинному, как память, коридору.

Как много мне надарено с утра
И запахов и света за порогом,
Душа чиста — все вымели ветра,
И я осталась с Родиной и Богом.

* * *

Никому не скажу и уеду,
Ни друзей, ни любви не найдя,
И пойду с чемоданом по следу
Полоснувшего поле дождя.

Васильки не оставят в покое,
И ромашки надарят тепла.
Все живое, такое родное,
Так бы шла потихоньку и шла.

Будут рядом закаты, восходы,
Так душевно — один на один.
Приживусь на недели, на годы
Среди ягод и тонких осин.

Забредет сюда кто-то, возможно,
Помолчит, на места поглядит.
«Как там мир?» — спрошу осторожно.
«Да куда ему деться, стоит!».

Так ответит — легко, равнодушно,
Потому и поверю ему.
Что желать? — ничего и не нужно,
Если сытно и тихо в дому.

Олег Мошников
(г. Петрозаводск, Карелия)

СТУПАЯ НАУГАД

Олег Эдуардович Мошников, родился в г. Петрозаводске. В 1988 г. закончил Свердловское высшее военное политическое танко-артиллерийское училище. Служил заместителем командира военно-строительной роты, в государственной противопожарной службе МВД и МЧС России по Республике Карелия. Работает в одной из пожарных организаций Карелии. Автор четырех сборников стихов и трех книг прозы. Член Союза писателей России. Живет в Петрозаводске.

* * *

Белый свет полыхнул на крыльях
Белых птиц! —
Серебром волна —
Клики зыбкие без усилия
Пьет озерная сторона.

Оттого
В чем сумел признаться —
Жил гордыней?
Жалел людей? —
Будет края судьбы держаться
Клик серебряных лебедей.

* * *

Пройдусь знакомыми местами:
Дворами, парками, мостами.
Три перекрестка. Две реки.
На горке — старенькая школа.
Сирень роняет лепестки
На маленький озерный город —
Петрозаводск...
Столичный лоск
Лишен здесь всяческих присутствий:
Ну, разве ж улицей французской
Да заводскою слободой
Пройтись — вдоль зарослей певучих,
Загубин с медленной водой...
Фасады зданий время лущит,
Старее город — се ля ви...
Тем возмутельней, тем пуще —
Весна, сирени, соловьи!

КУРОЧКА, ПЕТУХ...

внучке Иларии

Дождалось привета
Куручкино лето!
Вдоль проселка — травы,
Наугад — шершавы,
А со слов ребенка:
Шелкова гребенка...

Прозеваешь вряд ли
Лебеду да мятлик.
Потянуть былинку
Крохе — не в новинку,
Показать воочию
Петушка да квочку.

Тычет в бок ребенок:
У меня — цыпленок...

ДВУОЗЕРО

Задержалось — в протоке узенькой —
Небо синюю лентой за руку.
Дождь июльский прошелся музыкой,
Собирая из капель радугу.

С тростником сплелась лента-оберег,
Правит лодочкой зорька летняя:
Меж двойных озер — с неба на берег —
Льется музыка семицветная.

ВОСПИТАННИК ОРКЕСТРА

Робко ранние пташечки
Взяли ноты зари.
В кительке и фуражечке,
Распугав мартобри,

Паренек лет двенадцати
Поднимает трубу...
И зубами не клацайте,
Не кляните судьбу —

Рота только готовится —
В сновиденье своем —
Просыпаться и строиться
По сигналу «Подъем»,

А мальчишка аукает
Предрассветный оркестр —
Полон певчими звуками
За казармою лес —

Звонко трели сигнальные
Подпевают ему!
Всех поднимут дневальные...
И труба тут к чему?

А трубач не сдастся,
И старается медь —
Встретить зябкое солнце
До подъема успеть.

УБОРКА СНЕГА

Сугроб навалив,
Заблажил с недосыпа:
Да, ну ее к черту!
Хошь завтра — расчет!

А ветер опять
Кубатуру рассыпал,
И пух херувимский
Витает, сечет...

На снежных вершинах
Качаются ветры.
Луна — на излете...
На варежках — лед.

Поэт настоящий,
Как физик секретный,
Отбросив лопату, —
К потомкам придет.

ЗАРУБКИ И ЛИНИИ

Моченые грузди поставив под гнет,
До сумерек сели чаевничать с батей,
А тот — исподволь — свою линию гнет:
«Дровишек, вестимо, на осень не хватит...»

Я тяпаю прямо, а батенька вкось —
По щелке невидимой — ладно и ясно:
Любую еловую чурку подбрось —
Топор сердцевину размажет, как масло!

Назавтра — мозоли горят у меня,
Забыты «тревоги», учения, стрельбы...
На линии рваной судьбы и огня
Подумать о главном, как батя, успеть бы,

Отцовский, простой вспоминая пример:
«Заходишь в светелку, вояка, пригнись-ка...
Вон — твой на дверном косяке ростомер!
А дальше расти невозможно без риска...»

Особых секретов отец не раскрыл.
Ушел... Как уходит вода из колодца.
Но я ту зарубку в дверях не забыл:
Подался — из армии — в часть, к огнеборцам.

Глаза застилала мне слезная муть
От лестничной гари, от печки угарной —
И был мой пожарный единственный путь —
От смерти — по линии жизни рукавной!
.....

Соленые грузди и хлеба ломоть:
В саду поработать по осени — вкусно! —
С запасом — поленницу дров наколоть...
Но прежде найти свою линию нужно.

ИЗВЕЧНЫЙ СПОР

Сдвинул строчкой глагол неделимый,
Слово к слову пришили хитро...
Осень, небо и путь журавлиный —
Все банально, бездарно, старо!

Написалось: вдоль космосоштрассе —
Пролетел над землей утюжок!
Натворил, заблажил, размечтался
И — костюмные брюки прожог...

И когда уже некуда деться —
Запрокинута ввысь голова:
Обрывается — с выстрелом в сердце —
Журавлиная тетива.

* * *

Первоснежные картинки...
По дороге к роднику
Поперечные тропинки
Зачернели на снегу.
Вязнут детские галошки.
Мокнут бурки стариков.
Жмутся робкие сапожки
К борту крепких башмаков.
След попутный, след обратный.
Круг, оставленный ведром.
Жизни промысел понятный,
И божественный притом.
.....

Тропку торную находим,
И, ступая наугад,
Мы приходим, мы уходим...
Как осенний снегопад.

София Максимычева
(г. Ярославль)

София Максимычева родилась и живет в Ярославле. Публикации на интернет-порталах, в альманахах и журналах. Дипломант литературного конкурса им. М. М. Пришвина «Хранители Природы». Финалист Всероссийского литературного конкурса к 200-летию И. С. Тургенева «Родине поклонитесь», финалист международного поэтического конкурса «Эмигрантская лира»

ВЕРБНОЕ

Вербы да ивы, и прочие пальмы,
Господи Отче, чего же ты ждешь?
В путь собираешься — долгий и дальний,
только до сердца никак не дойдешь.

Или за каменной кладкой не слышно:
горлица бьется, поранив крыло!
Небо пунцовое, морок гречишный —
стало быть, горькое время пришло.

Тихо вздохнешь и по-птичьи акафист
скороговоркой прочтешь на бегу...
Нет, я не верю, что ты нас оставил,
словно чужих на весеннем снегу.

ВОТ И МНЕ

Вот и мне обижаться нет смысла
за огонь, за цыганство в крови.
Изгибается мост коромыслом
над рекой... Та хохочет:
«Плыви!»
Под чугунной оградой, быками,
под копытами строгих опор
волны в берег толкаются лбами,
расширяя воды кругозор.
Я смотрю на движение молча,
на упорный и тягостный труд.

С аппетитом отчаянно-волчьим
белогрудые чайки орут.
Тихий ход бесконечной рутины,
мельтешение ряби... Сейчас
все — от святости до чертовщины —
от души перемешано в нас.
Отрицание правды — мятежно,
а река все течет да течет...
Белый дым, голубая скворешня
и черемушный крупчатый мед.

ИСКАЖЕНИЕ ВРЕМЕНИ, ПОЛДЕНЬ

Искажение времени, полдень
в перспективе проспектов и луж.
Разухабистый скрежет щеколды,
чей массивный хребет груб и чужд
для изящного контура дверцы,
торопливого выхода в свет.
Выдыхается кольцами скерцо,
словно дым голубых сигарет.
А сейчас, через мост перегнувшись,
посмотри в отражение вод —
сонный карп в череде погребушек
в золотистых чешуйках плывет.
За подол белоснежного платья
ухватился молящийся шмель...
знаешь, мало назвать благодатью
цветоносный ядреный апрель!

ТАК ХОЧЕТСЯ

Распутывать нити не сложно,
труднее — связать на века.
Проверит подметки сапожник
и скажет: «Обувка крепка!»

Так хочется легкого в жизни:
походки, задач, ветерка.
Макушки зеленые сбрызнет
янтарный сироп.
Коротка
цепочка событий, ведущих
к словам, означающим боль.

Хвост рыжего солнца опущен
в озерный стакан.
Канифоль
на пальцах скрипачки застынет,
а мне бы послушать еще —

как шмель копошится в жасмине,
как голос небес превращен
в поющую птицу и дождик,
и в детский залиvistый смех.

Так хочется вешать на гвоздик
твой плащ, не скрываясь от всех.

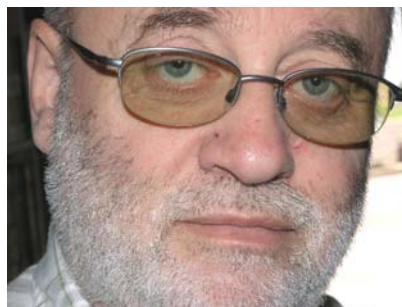
ЭТЮД

Совсем немного и создашь:
не мысль, но веру — лето вечно!
Штрихами наполнился пейзаж;
замысловата окончность,
где между делом запах плел
свои кофейные интриги.
Колени упирались в стол,
томились в очереди книги:
когда же их перелистав,
страничный угол замусолят...
Прекрасен осенью ландшафт
и кофе по-турецки с солью.

Дул ветер с юга на плечо,
дышал октябрь почти не ровно;
был день осенний заключен
в подрамник тихий подмосковный.
Фонарь кренился без нужды
на дальнем кряже остановок...
Но близко-близко от воды
кружило пять листвы кленовой.

Марк Польшковский
(г. Ашдод, Израиль)

ПЕРЕВОДЫ С АНГЛИЙСКОГО

Поэт, переводчик. Окончил физико-математический факультет Петрозаводского университета, затем — институт патентоведения в Москве. Заведовал патентным отделом в Карельском филиале Академии наук. В 1991 году репатрировался в Израиль. Живет в городе Ашдод. В 2009 году выпустил первый сборник стихов «Ашдодский дневник». Вслед за ним вышли в свет несколько сборников стихов и переводов с английского. Печатаются в журналах Израиля и за границей. Литературный редактор издаваемого в Ашдод журналу «Начало». Постоянный автор «Приокских зорь».

УДИВИТЕЛЬНЫЙ СТАРИК *Анонимный автор*

Жил да был один старик,
Жил, как все и каждый,
Кто от женщины рожден
Был на свет однажды.
Был когда-то, вам скажу,
Он совсем ребенок,
Но со временем попрос,
Повзрослел с пеленок.

Мяса требовал, когда
Голоден бывал он,
И проглатывал все то,
Что в рот попадало.
Если пить хотел, то жбан
Хоть какого пойла
Мигом весь в себя вливал
Прямо через горло.

Редко видел он во тьме
Непроглядной ночи,
Слух же даже в темноте
У него был волчий.
Говорят, что днем не спал,
Бодр был будьте-нате,
Но тотчас же засыпал
У себя в кровати.

Шевелил он языком,
Говоря словами,
Ноги двигал, если шел,
В такт махал руками.
Надорвете животы —
Если он шагает,
То одна нога вперед,
То — вперед другая.

Говорят, его лицо
Было очень странным,
Если он его не мыл,
То бывало грязным.
Усмехался — ряд зубов
Рисовался четко,
Рот — межою отделял
Нос от подбородка.

Надо речку перейти,
Но, не зная броду,
Этот малый никогда
Не совался в воду.
Ни за что не рисковал,
Не оставил сушу,
Не тонул, цепляясь за
Гибнущую душу.

Но однажды, говорят,
Вдруг почувал слабость
И, как хроники гласят,
Стала жизнь не в радость.
Несмотря на то, что слаб,
Тверд был в убежденье
И коварным докторам
Не платил ни пенни.

Смерть в конце концов пришла,
Если верить слухам,
От того, что, верь-не верь,
Испустил свой дух он.
Пусть покоится в земле
Тлен его угасший.
Жил бы на день дольше он,
Был бы на день старше.

ПУТИ И ЗАМЫСЛЫ
Льюис Кэрролл (1832 — 1898)

Я расскажу тебе сейчас,
Хоть я и не пиит,—
Ворота вижу как-то раз,

Старик на них сидит.
«Ты кто,— спросил я. — Кто ты есть?
Тебе ведь лет под сто?!»
Ответ его пролился весь
Водой сквозь решето.

Сказал он: «Видишь, там в лугах
Порхают мотыльки,
Их запекаю в пирогах,
Как средство от тоски.
Продам их тем, кого корабль
Уносит в океан,
И хватит мне — и то едва ль —
На хлеб и эля жбан».

Но размышлял я в те часы,
Как, опухая, взяв,
Раскрашу зеленую усы
Кому-то из раззяв.
Почти забыв о мужике,
Я устремил взор ввысь,
Дал старцу палкой по башке
И крикнул: «Эй! Как жизнь?!»

Он, продолжая сказ, изрек:
«Я шел своим путем
И, встретив горный ручеек,
Записывал о том.
Крем для волос с тех давних лет
И стар и млад берут,
Я ж получил лишь горсть монет
За свой тяжелый труд.

Но я обдумывал с тоской,
Как выжить без еды,
И так, слоняясь день деньской,
Тучнел, как с лебеды.
И я поддал ему опять,
Наставя синяков.
«Как жизнь?! — пришлось мне вновь кричать.—
И кто ты есть таков?!»

И молвил он: «Брожу с ружьем,
Где вереск и где топь,
Где рыбий глаз горит огнем,
Презрев тоску и скорбь.
Я навожу последний штрих,
Украшив им камзол,
И тем кормлю девятерых,
Забывших разносол.

То отловлю в реке конфет,
То рачью западню,
А то среди холмов чуть свет
Хомут — я все ценю.
За это можно получить
Пять пенсов или шесть —
Мне хватит, чтобы день прожить
И выпить в вашу честь».

Я, деда слушая, решал
Задачу по плечу:
Чтоб ржавый мост как новый стал —
В вине прокипячу.
«Спасибо, дед,— сказал ему,—
Что ты на свете есть,
Что выпил, вопреки всему,
Жбан эля в мою честь».

И если приключится вдруг,
Что суну пальцы в клей,
И вместо брюк надев сюртук,
Стою, как дуралей,
А утром встал не с той ноги,
И мука душу жмет,—
Бегут, как по воде круги,
Воспоминаний огоньки,
Как дед, законам вопреки,
Вещал и прочищал мозги,
А я, не видевший ни зги,
Лишь различал его шаги,
И речи ровные стежки
Сшивали образов лубки,
И вновь, очнувшись от тоски,
Я видел, как он клал мазки,
Утюжа жизнь, как утюги,
И с дедом тем мы — не враги,
Хоть он не слез с ворот.

ПЕСНЯ БЕЗУМНОГО САДОВНИКА

(из романа «Сильви и Бруно»)
Льюис Кэрролл (1832 — 1898)

Он думал, это в дудку слон
Дудит из полутьмы;
Вновь пригляделся — и узрел
Посланье от жены.
Тут горечь жизни он познал
До самой глубины.

Он думал, бык с кольцом в носу
Уселся на камин;

Вновь пригляделся — и узрел:
Снохи внебрачный сын.
«Прочь! — он вскричал. — Не то примчит
К нам полицейский чин!»

Он думал, что гремучий змей
Вещает, будто грек;
Вновь пригляделся — и узрел
Лишь будущий четверг.
«Как сожалею, что он нем!» —
Задумчиво изрек.

Он думал, с омнибуса клерк
Слезает у ворот;
Вновь пригляделся — и узрел,
Что это бегемот.
«Вдруг у него сейчас обед —
Нам не перепадет!»

Он думал, кенгуру сидит
В кафе среди кастрюль;
Вновь пригляделся — и узрел
Там пригоршню пилюль.
«Когда б я съел их, — он сказал. —
Хворал бы весь июль!»

Он думал, видит экипаж,
Коней, отделки медь;
Вновь пригляделся — и узрел:
Без головы медведь.
«Бедняга, — он сказал. — Ему
Нужна скорее снесь!»

Он думал, это альбатрос
Над лампой бьет крылом;
Вновь пригляделся — и узрел
Конверт — видать, с письмом.
«Пора тебе домой, — сказал. —
Туманно за окном!»

Он думал, видит дверь с ключом,
За ней — цветов газон;
Вновь пригляделся — и узрел
Пропорции закон.
«Двойных пропорций тайный смысл
Мне ясен», — молвил он.

Он думал, найден аргумент,
Что Папа Римский — он.
Вновь пригляделся — и узрел
Обмылочек с пятном.
«Надежды, — тихо прошептал, —
Растаяли, как сон».

**ОДА НА СМЕРТЬ ЛЮБИМОЙ
КОШЕЧКИ, УТОНУВШЕЙ
В БАССЕЙНЕ С ЗОЛОТЫМИ
РЫБКАМИ**

Томас Грей (1716 — 1771)

Бассейна борт собой покрыли,
Раскрашены в китайском стиле,
Цветы — лазурью, как во сне.
Селима — шерсть тигровой масти —
Там прилегла умерить страсти.
Вода плескалась в глубине.

Дрожит от счастья умный хвостик;
Мордашка, снег усов, животик,
Нежнейших лап ее вельвет,
Смарагд блестит в зеленых глазках,
Смоль чутких ушек — даже в сказках
Мурлык таких не видел свет.

Вдруг чует — к ним прикован взгляд —
Две рыбки в толще вод скользят,
Два ангельских порфирных тела,
Омыты влажною струей,
Сверкают красной чешуей.—
При виде их оцепенела

Несчастливая, усы торчком,
На лапах коготки крючком,
Желанья, страсти в ней пылают,
От напряжения дрожит.
Как дамам золото претит,
Так кошки рыбку отвергают.

Ах, Кошка! Нет бы ей покой!
Но выгнула хребет дугой —
(Злой рок готовил ей кончину,
Отметив запредельный срок) —
Вдруг поскользнулась, кувырок,
И — головой вперед в пучину.

Семь раз всплывая из глубин,
Спасти молила — ни один
Морской божок не отозвался,
Ни nereида, ни дельфин
И никакой простолюдин
Спешить на крики не пытался.

Красавицы! Неверный шаг
Вам может подсказать лешак —

Обратных нет дорог.
Не только золото блестит,
И искушение манит,
Лишь выйди за порог.

**В ПАМЯТЬ О МАЙКЕ,
МУЗЕЙНОМ КОТЕ*,
умершем 15 января 1929 года
двадцати лет отроду
*Фредерик Чарльз Уильям Хили*****

Музей, где вечно свет неяркий,—
Там миновал порталы, арки,
Там ты вверял часы науке,
На травке — отдавался скуке.
Готов отдать я что угодно,
Чтоб ты бродил здесь принародно,
Но жребий положил предел —
Оплакиваю твой удел.
Да, ты безвременно почил,
Кот из котов — Мафусаил,
Ты завершал двадцатый год,
Когда прервался жизни ход.
Здесь, где царит ученый дух,
Майкл не был к знанью слеп и глух,
Он помнил: Аргус, вечный страж,
Все выстоял, как древний кряж.
Сумев хозяина дождаться
(Коту почти минуло двадцать!),
Вильнул хвостом, затих — и в смерти
Был всех достойнее на свете,
Ни разу псом не покалечен —
Почил, сим подвигом увенчан.
Сидит на солнце он и дремлет —
Величествен, как Сфинкс иль Сехмет,
И взор его не заискрится,
Мелькнет ли зверь, порхнет ли птица,
И даже голубь-езуит
Ни разу не был им убит,—
Лишь отгонял дурную птицу,
Блюдя незримую границу.
Чиновники ли, население —
Он всем выказывал презренье,
И если вдруг погладить шерсть

* Майк, один из самых знаменитых котов Британского музея, на протяжении 20 лет, с 1909-го по 1929-й дежурил у входа в музей. За это время он стал настоящей достопримечательностью и обзавелся массой поклонников. Известие о его смерти опечалило многих, в газетах были опубликованы некрологи, а один из хранителей музея даже написал стихотворение, посвященное «старому Майку», лучшему из котов.

** Ф.Ч.У. (Фредерик Чарльз Уильям) Хили — помощник хранителя в отделе печатных книг Британского Музея.

Решится Сфинксу кто ни есть,—
След острых Майковых когтей
Угомнит таких гостей.
И я рискнул лишь только раз
Его коснуться — и тотчас
Он укусил.— «Не будь ослом! —
Мне все твердили. — Поделом!»
Из всей людской толпы двоих
Он выделял — и лишь для них
Мог и мурлыкать, и урчать,
Лишь им давал себя ласкать:
Речь о хозяине, а также
Известном Сэре Эрнсте Бадже*.
Сэр Бадж, скажу вам, без сомнений,
Знаток египетских учений;
Кошачьих мумий пеленанья,
Их амулеты, заклинанья
Магически открыли дверцу
К свирепому котову сердцу.
И каждый день, почтя за честь,
Брал на руки кота Сэр Эрнст,
И в горечи последних дней
Кот друга не знавал верней.
Майк, ты ушел. Прощай! Скорбим.
Хоть был ты дик и нелюдим,
От всех котов — тебе почет.
Покойся в мире, лучший кот!

МАРШЕВАЯ ПЕСНЯ СКОТЧЕРОВ

Томас Стернс Элиот
(1888 — 1965)

Кого только нет среди собачьих племен:
Ирландцы, Валлийцы, Датчане,
Китайцы — носители странных имен,
Голландцы и даже Турчане;
Есть Шпицы с окрасом, как спелый лимон,
Свирепых пород Англичане.
Всем тем, кто проказливо вертит хвостом,
Скажу — даже Хинам отпетым:
Я — Скотчер-малютка, зовут меня Том,
И лучше вам помнить об этом.

Собаки изящно-изысканных форм,
Чванливые, тихого нрава,

* Сэр Эрнест Альфред Уоллис Бадж, английский востоковед и археолог, по окончании Кембриджского университета в 1883 году стал работать в Британском музее, в 1894 году был назначен главным хранителем отдела египетских и ассирийских древностей и занимал эту должность вплоть до 1924 года. В 1920 году за свои многочисленные заслуги Уоллис Бадж был удостоен рыцарского звания. Умер в Лондоне 23 ноября 1934.

Ленивые, слепо жующие корм,
Снующие слева и справа,
Крушители всех поведенческих норм —
Нагрянет вся эта орава;
Скандальным буянам, творящим содом,
Скажу — даже Хинам отпетым:
Я — Скотчер-малютка, зовут меня Том,
И лучше вам помнить об этом.

Немало неряшливых, грязных собак,
Капризных, болезненных, нежных,
Сердитых, ворчливых, тупых, как чурбак,
Медлительных и безмятежных.
Но знайте: зачинщиков драк, фордыбак,
При встречах со мною небрежных,
Запомню. Да будь вы последним котом! —
Скажу всем — и Хинам отпетым:
Я — Скотчер-малютка, зовут меня Том,
И лучше вам помнить об этом.

Нам Рим завещал свой девиз *save sanem**,
С ним Скотчеры жили и живы.
Мы все разъясним, если в вечность не канем,
Что эти два слова не лживы.
Мы лаем и рыком внушать не устанем —
Всем, будь ты хоть дьявол паршивый!
Будь ты человек, пес, будь даже фантом,
Хоть чертом рогатым красуйся! —
Знай: Скотчер-малютка я, звать меня Том,
И ты В ЭТО ДЕЛО НЕ СУЙСЯ!

КОРОВЫ

Томас Стернс Элиот
(1888 — 1965)

Из тварей, расселенных Богом
В пределах Англии родной,
Я не терплю коров — в убогом
Непониманье. Ни одной!
Стою пред ней, как ангел чистый,
С трудом выдерживаю взгляд,
Скорее льдистый, чем лучистый,
Ее глазища — сущий ад.
Я галстук не ношу багровый,
С автобусом совсем несхож;
За что же пялить взор суровый —
Я бледен, а не краснорож.

* *Save sanem* (бойся собаки — лат.) — мозаичная надпись в Помпеях. Употребляется и как предостережение вообще.

С презреньем можете заметить:
В корове углядеть врага
Позорно. Я ж готов ответить,
Что слаб, а у нее — рога.
Всего же больше опасуюсь
Бродить с селянками в лугах
И слушать их рассказы, каюсь,
Из жизни телок, о быках.
С селянками коровы кротки,
Бегут, едва завидят кол,
Я ж вырос в городе, я робкий,
Не верю в этот ореол.
Не испугаюсь злого рога,
Когда один хожу в полях,
Напрасно телка смотрит строго —
Все помыслы потерпят крах.
Корова лучше — за забором,
Ну пусть хотя бы за плетнем;
Я не готов стать матадором,
Дам деру — все гори огнем!
А то укроюсь где повыше:
На дубе или же на крыше.

